

Юнь Чэн долго молчал, словно в груди у него вырывали дыру, и даже дыхание причиняло невыносимую боль. С трудом произнеся слова, он сказал:

— Шэнь Хуай, ты оказался куда беспощаднее меня, князя.

С этими словами он медленно поднялся и, словно потерянный, удалился.

[Система]: Он ушел, разозлившись. Как ты теперь будешь его покорять?

Шэнь Мянью усмехнулся и ответил:

— Это называется «поставить на грань жизни и смерти, чтобы возродиться». Просто наблюдай.

На следующий день отмечался день рождения маркиза Юнлэ.

Шэнь Мянью взял подарок и отправился поздравить старого маркиза. Он намеренно поехал отдельно от Юнь Чэна, ведь все в Шанцзине знали, что между ним и князем Чэном царит вражда. Делать вид, что все в порядке, было бы лишь поводом для насмешек, так что лучше было открыто признать это.

Шэнь Чжоу и Шэнь Синь уже ждали его. Едва он вышел из кареты, как они подхватили его под руки и вместе вошли в поместье.

Шэнь Чжоу, прилипнув к нему, спросил:

— Братец, я вырос?

Шэнь Мянью внимательно осмотрел его и с легкой улыбкой ответил:

— Чжоу не только вырос, но и стал крепче. Похоже, ты уже становишься взрослым.

Шэнь Чжоу покраснел и, почесав голову, сказал:

— Потому что я должен защищать брата, не позволю чужакам обижать тебя.

Под «чужаками», конечно, подразумевался Юнь Чэн.

Шэнь Синь, не желая отставать, спросила:

— Братец, братец, а я изменилась?

Шэнь Чжоу фыркнул:

— Ты, конечно, изменилась — стала старше и уродливее.

Шэнь Мянью поспешно закрыл ему рот и, повернувшись к сестре, успокоил ее:

— Не слушай Чжоу, наша Синь всегда будет красавицей.

Девочка уже покраснела от злости, и никакие уговоры не помогали. Она замахнулась кулаком на брата, и двое детей начали возиться вокруг Шэнь Мянью, который, смеясь и ругаясь, пытался их разнять.

В этот день в доме Шэней собралось много гостей, и, увидев эту трогательную сцену, все замерли в изумлении.

Раньше они слышали, что старший сын семьи Шэнь славится своей красотой и строгостью, но никто не ожидал, что он может так играть с младшими братом и сестрой.

Он был одет в роскошные одежды, с нефритовыми подвесками на поясе, и его улыбка, смешанная с легким замешательством от детских шалостей, делала его менее отрешенным и более человечным. Его невероятно красивое лицо заставляло людей терять дар речи.

Какие бы смешные слухи ни ходили о нем, стоило увидеть его, и никто не мог сказать ничего плохого.

Шэнь Чжоу заметил, что многие взгляды, явные и скрытые, устремлены на лицо брата. Нахмурившись, он предложил:

— Братец, пойдем к матери, хорошо?

Шэнь Мянью с улыбкой согласился:

— Как скажешь, Чжоу.

Шэнь Чжоу взял его за руку и повел во внутренние покои.

Среди толпы кто-то едва заметно улыбнулся и прошептал:

— Мы снова встретились.

Хотя они не расставались надолго, казалось, прошла целая вечность. На этот раз он не отпустит его.

Дела Шэнь Мянью и Юнь Чэна уже давно стали темой разговоров в Шанцзине, и в поместье маркиза Юнлэ тоже дошли слухи.

Когда они подошли к покоям госпожи Чэнь, служанка у двери пригласила войти только Шэнь Мянью.

Шэнь Синь надула губы и сказала:

— Мама все так же предпочитает брата.

Хотя ее слова звучали ревниво, в голосе слышалась лишь детская обида. Шэнь Мянью обернулся, ущипнул ее за щеку и сказал:

— Братец уже отправил тебе несколько украшений в твои покои. Пойди посмотри, нравятся ли они.

Едва он закончил, как Шэнь Чжоу устремил на него взгляд. Шэнь Мянью рассмеялся:

— Чжоу, конечно, тоже получит подарок.

Двое детей, успокоившись, наконец отпустили брата.

Раньше они тоже ревновали к материнской любви, но после того, как брат женился и переехал в княжеский дворец, эти чувства исчезли, уступив место восхищению.

Если бы они оказались на его месте, они бы тоже любили его всем сердцем.

Шэнь Чжоу, глядя на стройную, как бамбук, фигуру брата, тихо сказал:

— Не знаю, может, мне кажется, но кажется, брат раньше не был таким красивым.

Шэнь Синь задумалась. У нее тоже были такие мысли, но, пытаясь вспомнить, она могла представить лишь смутные образы, которые быстро заменялись очаровательным лицом Шэнь Мяня.

Она подняла бровь и сказала:

— Глупости. Все говорят, что брат — первый красавец Дашэна. Разве может быть иначе? Я думаю, что мужчина, создавший семью, становится мягче — это естественно.

Шэнь Чжоу нахмурился и, подумав, кивнул:

— Наверное, я просто придумал.

Они ушли вместе.

Шэнь Мянй вошел в комнату, где находились только его мать, госпожа Чэнь, и две доверенные служанки.

Он подошел и позвал:

— Мама, как ты?

Госпожа Чэнь всегда обожала старшего сына, берегла его, как зеницу ока, боясь, что он хоть немного расстроится. Ее чрезмерная любовь и потакание воспитали в нем эгоистичный характер.

Теперь, после долгой разлуки и всех слухов, она не могла не переживать.

Госпожа Чэнь осматривала Шэнь Мянйя с головы до ног, то говоря, что он похудел, то что у него плохой цвет лица, словом, утверждая, что он плохо живет в княжеском дворце и, наверное, много страдал.

Говоря это, она роняла слезы, как жемчужины.

Шэнь Мянй лишь улыбнулся и утешил ее:

— Мама, разве ты не рада видеть Хуая? Почему ты плачешь?

Он достал шелковый платок и вытер ей слезы.

Госпожа Чэнь оттолкнула его руку и с упреком сказала:

— Чему радоваться? Ты тогда сладкими речами убедил меня, что союз с князем Чэном — это неизбежность, что ты сможешь завоевать его любовь и в будущем поддержать наш дом. Теперь же вижу, что это ты попал под его чары и сам себя загубил.

Ее любимый сын стал мужем князя, и хотя королевская семья была высокопоставленной, если князь не любил его, все было напрасно.

Она вытерла слезы и холодно сказала:

— Ты сам навлек на себя эти страдания, и никто тебя не пожалеет.

Шэнь Мянью, слушая ее лицемерные слова, не мог не улыбнуться.

Он помог госпоже Чэнь сесть и, опустившись на колени, положил голову ей на колени. Через некоторое время он тихо вздохнул:

— Мама, если ты не пожалеешь Хуая, то кто тогда пожалеет?

Госпожа Чэнь, услышав это, разрыдалась.

Шэнь Мянью размышлял. В воспоминаниях прежнего хозяина тела он тоже возвращался домой и был отруган матерью. Он, привыкший к потаканию, воспринял ее слова как насмешку над его неспособностью завоевать сердце князя и, разозлившись, поссорился с ней.

Он не был таким вспыльчивым, но после унижений в княжеском дворце и слухов, которые он слышал от слуг, его гордость не выдержала, и он взорвался.

Госпожа Чэнь, которая так любила его, была разочарована, и между ними возникла пропасть.

Позже она узнала, что он не ее кровный сын, и возненавидела его, считая предателем.

На самом деле, если бы Шэнь Хуай тогда смог смирить свою гордость и помириться с госпожой Чэнь, все могло бы быть иначе.

Она вырастила его, и даже без кровных уз между ними оставалась привязанность. Но он воспринял ее обиду всерьез и перестал с ней общаться, что окончательно разбило ей сердце.

Шэнь Мянью, опустив голову на ее колени, тихо сказал:

— Мама, я думал, что другие тоже будут любить меня, как ты. Но оказалось, что в этом мире только ты одна любишь меня безвозмездно.

Госпожа Чэнь была тронута до глубины души.

Она взяла лицо сына в руки и, с покрасневшими глазами, сказала:

— Хуай, если тебе действительно плохо в княжеском дворце, я, даже ценой своей чести, пойду к императрице и попрошу разрешения на развод с князем. Ты согласен?

Шэнь Мянью горько улыбнулся:

— Мама, этот брак был заключен ради союза с князем Чэном. Я стал заложником. Если мы разведемся, это лишь рассорит нас с князем. Как тогда наш дом будет жить в мире?

Госпожа Чэнь ответила:

— Что с того? Я хочу лишь, чтобы мой Хуай был счастлив...

Шэнь Мянью замер, его взгляд стал мягче, и он улыбнулся:

— Одно твоего слова мне достаточно.

Выйдя из покоев госпожи Чэнь, он увидел, что гости уже собрались. Он немного поплакал с

матерью, и его глаза были красными, поэтому он решил не идти в главный зал, а вернулся в свои старые покои.

<http://bllate.org/book/15553/1414769>